

С любовью посвящается духу
и памяти Сьюзан Рэй Бланша Талларико

СОДЕРЖАНИЕ

Полупролог	6
Глава 1. ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ЗРИТЕЛЬ	8
Глава 2. СИСЬКИ И ПИСЬКИ	40
Глава 3. ДУДКА, НА КОТОРОЙ ТАК И НЕ СЫГРАЛИ	78
Глава 4. МОЙ КРАСНЫЙ ПАРАШЮТ (И ДРУГИЕ СНЫ)	90
Глава 5. ИСПОВЕДИ РИФМОГОЛИКА	130
Глава 6. МАЛЕНЬКАЯ БО ПИП, КОРОЛЕВА БЛЕСТОК И ДЕВОЧКА В ЖЕЛТОМ КОРВЕТЕ	140
Глава 7. ШУМ НА ЧЕРДАКЕ (СНЕЖНЫЕ ДНИ)	156
Глава 8. ДАМЫ И ГОСПОДИ... Я НЕ СВОЛОЧЬ (Я ПРОСТО ЭГОИСТ)	178
Глава 9. УЛИЧНЫЙ, ПЛОХОЙ, УРОДЛИВЫЙ... НАКАЧАННЫЙ ХЕМИНГУЭМ	208
Глава 10. ОТРАВЛЕНИЕ НА СЕМЕЙНОМ ПИКНИКЕ	222
Глава 11. ЗАБЛУДИЛСЯ ПО ПУТИ К СЕРЕДИНЕ	259
Глава 12. ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕШЬСЯ ТЫ И НАЧИНАЮСЬ Я... СНОВА (БОГИНЯ)	268

Глава 13. ПРОБЛЕМЫ В РАЮ (ТЕРЯЯ ВЛАСТЬ НАД ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЖИЗНЬЮ)	278
Глава 13.5. СТЕРВОЗНАЯ БОГИНЯ «БИЛБОРДА»	297
Глава 14. СВЯЩЕННЫЙ ДЫМ, ПОИСКИ ВЕЛИКОЙ ПАШМИНЫ И БРИЗ ДВАДЦАТИ СОЛНЦ	320
Глава 15. ДО ЗАНЗИБАРА И ОБРАТНО	349
Глава 16. ВЛЮБЛЯТЬСЯ – ЭТО ТАК БОЛЬНО	377
Глава 17. ПРОЙДИТЕСЬ ПО АЛЛЕЕ МОЕГО РАЗУМА... ..	392
Благодарности	398

ПОЛУПРОЛОГ

Если ты молоток, все кажется гвоздем.

Если ты певец, все кажется песней.

Жизнь коротка. Нарушай правила, прощай быстро, целуйся медленно, люби по-настоящему, смейся безудержно и никогда не жалея о том, что заставляет тебя улыбаться. Нас нельзя сосчитать; не существует никакой диаграммы желания. Когда ревущее пламя твоего сердца сгорело дотла, надеюсь, ты поймешь, что состоишь в браке со своим лучшим другом. Предчувствия, догадки, инстинкты... слепая преданность чему угодно может убить тебя, и всегда помни... пой так, будто тебя никто не слышит; живи так, будто рай здесь, на земле. А теперь я хочу сказать что-то глубокое и бессмысленное, вроде: «Будь верен самому себе», но, по правде говоря, первое, что мы должны сделать, — это УБИТЬ ВСЕХ ЮРИСТОВ.

Когда я был пацаном и состоял в банде, мой так называемый лучший друг Деннис Данн бил меня по плечу и говорил: «Передай следующему, ублюдок!» И вот я поворачивался к Игнасио, лупил его и говорил: «Передай следующему!» Игнасио поворачивался к Футболисту и бил его по плечу, а Футболист бил Рэймонда, который потом... опять бил меня. Суть в том, что ты должен бороться за свое положение. Чуть позже в своей жизни я понял, что в группе ситуация такая же. Только в моей новой банде Брэд бил Тома, Том бил Джоуи, Джоуи бил Джо, а Джо бил меня (по зубам), и это самое мягкое объяснение того, что происходит в каждой группе, которая хоть когда-то существовала (по крайней мере, в тех, что протянули больше десяти лет и смогли показать себя миру).

Я помню, как мама сказала мне, когда я ей заявил, что хочу быть как Дженис Джоуплин: «Если ты покажешь себя миру, то станешь мишенью для всеобщих страхов, сомнений и комплексов. И если ты с этим справишься, Стивен, мой маленький глупыш, то сможешь собрать свою армию». И знаете что? Я получил сполна! А еще я с самого начала хочу заявить во всеуслышанье, до-

рогие соседи и неудачники, что мой жизненный путь не привел меня в то место, где я хотел бы осквернить, деморализовать или сломать хоть кого-то... Так что все ВВl, кто лупил и обижал меня за то, что я был любознательным ребенком или сверхчувствительным художником, который вас доставал, — помните, точно так же, как говорят о Монго из фильма «Сверкающие седла», если вы застрелите Стивена, то просто разозлите его.

Когда ты молод, ты испытываешь все в первый раз. Из-за того что это происходит с тобой как бы между прочим, так оно и есть... и ты постоянно это оспариваешь. Когда ты подрастешь, ты начнешь подвергать сомнению всю свою хуеву жизнь, и так много энергии тратится впустую, пока ты гадаешь из-за всех этих почему. Ты хочешь найти этого ангела гроз, который погасит твой внутренний огонь. И ты начинаешь верить, что уже пережил шесть десятилетий, потому что на твоём плече правда сидит ангел.

Поэтому я пишу песни — потому что я прожил все эти перемены от незнания НИЧЕГО... до понимания ВСЕГО... а сейчас, в шестьдесят три года, я вернулся к тому, что опять НЕ ЗНАЮ НИ ЧЕРТА. И когда твое сознание свободно от так называемых знаний, оно может использовать воображение. Как Альберт Эйнштейн однажды сказал: «Воображение важнее знаний».

По радио крутят твою песню; мелодия настолько запоминающаяся, что проникает в головы слушателей и меняет их Всё. Они начинают ее петь! Ты оказываешься внутри этих людей. Ты занимаешься с ними любовью. Ты проникаешь в их душу... и наоборот. Это как Vуја Dé, и тогда происходит чудо... вы меняетесь лицами, местами, пространствами и эмоциями.

Отец четверых детей (любовь всей моей жизни), автор песен, обладатель докторской степени в Беркли и еще одной в Массачусетском университете Бостона, поэт, художник, наркоман и тот, кто узнает что-то новое каждый день, от дома в Малибу до ужина с шейхом в Абу-Даби... а теперь... писатель? Да вы шутите! Романтика. Семантика. Осторожно, я экзотичный и невротичный! Does the noise in my head bother you... пока что? Да, правда? Я бы сказал, начало хорошее.

С. Т.

Глава 1

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ЗРИТЕЛЬ

Я родился в поликлинике Бронкса 26 марта 1948 года. Как только меня можно было перевозить, родители сразу же отправились в Санапи, Нью-Гэмпшир, в маленький коттедж, который сдавался каждое лето, — что-то вроде старомодных гостиниц, только в 1950 году. Меня положили в кроватку и поставили у дома. Мимо пробежала лиса и решила, что я ее лисенок, схватила за край подгузника и утащила в лес. Я рос с лесными животными и детьми. Я так много слышал в тишине соснового леса, что потом точно знал — мне придется заполнить эту пустоту. Родители знали лишь то, что я был где-то там. Однажды ночью они услышали, как я плачу в лесу, но когда они пришли к тому месту, где я раньше лежал, то увидели лишь большую дыру в земле, которую приняли за лисью норку. Они все копали, копали и копали, но нашли только кроличью нору, в которую я свалился, — прямо как Алиса.

И, как Алиса, я вошел в иное измерение: шестое измерение (пятое занял кто-то до меня). С тех пор я могу ходить туда в любое время, потому что я знаю секрет детей леса; в тишине сказано так много, если ты знаешь, что слушать, — то, что танцует между психоакустикой двух нот, и то, что написано между строк, похоже на сопоставление того, что ты видишь в зеркале. Вся моя жизнь проходила между двумя этими мирами: ГОАНЕЦ, не-из-мира-сего, и... ПРИСКОРБНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. В целом,

я называю себя периферийным зрителем. Я слышу то, что люди не говорят, и вижу то, что невидимо. Ночью, потому что наше зрительное восприятие создано из палочек и колбочек, если ты идешь по темной тропе, то сможешь увидеть ее, только если посмотришь вбок, тогда включается периферийное зрение. Но об этом позже, мы все успеем, пока тупеем и трезвеем.

Когда я наконец-то вылез из кроличьей норы, мои родители привели меня обратно в третье измерение. Как и все родители, они переживали, но я боялся сказать им, что спокойнее всего мне было в лесу.

На Манхэттене мы жили на углу 124-й и Бродвея, недалеко от театра Аполло. Народ, это Гарлем. Если в первые три года жизни мы больше всего впитываем информацию, то, разумеется, мне нужно было услышать эту музыку, и я был вдохновлен звуками, которые исходили из этого театра. В ней было больше священного, чем в святом Петре.

Через несколько лет я вернулся в Аполло и увидел парк, где мама толкала мою коляску. Мое первое зрительное воспоминание было из ЭТОГО ПАРКА: деревья и облака, летящие над головой, будто я парил над землей. Вот он я, двухлетнее дитя, проецирующее астрал. Я помню, как в четыре года ходил за галлоном молока с двумя четвертаками, мы шли с мамой рука об руку по пролетам и коридорам подвала нашего дома, по туннелям в соседнее здание, где стояла молочная машина. Я думал, что я... бог знает где. С таким же успехом я мог быть на Марсе. Ах, это был таинственный мир детства, где кто-то всегда ведет тебя за руку через темные коридоры в совершенно новый мир, только и ждущий, пока включится безумное детское воображение.

Моя мама разожгла огонь, который будет греть меня до конца жизни. Она читала мне притчи, басни Эзопа и «Просто сказки» Редьярда Киплинга. Детские сказки и стишки восемнадцатого и девятнадцатого веков: «Хикори Дикори Док», сборник детских стихотворений Эндрю Лэнга, Ганс Христиан Андерсен, «История маленького черного Самбо» Хелен Баннерман. Так круто! Я уж не

говорю про «Курицу и золотые яйца»! Мама все это читала мне перед сном каждый вечер. Но однажды, когда мне было около шести, она перестала.

— Тебе надо самому научиться их читать, — сказала она.

До тех пор я читал вместе с ней, пока она вела пальцем по словам. Мы делали так несколько месяцев, но потом она поняла, что я уже научился, и внезапно мама уже не сидела за моей спиной. Она просто оставляла книжку у кровати, а я обезумел от горя.

— Mam, я хочу слушать сказки. Почему ты мне их больше не читаешь?! — спрашивал я.

А потом однажды я подумал: «Ой-ей, теперь мне надо поумнеть». Неее... я просто стану музыкантом и буду сочинять свои сказки и мифы... Аэромифы.

Мама все рассказывала мне про мужчину, которого видела в «Шоу Стива Аллена» в 1956 году, когда мне было восемь. Его звали Джипси Бутс. Он был настоящим хиппи, жил на дереве, отрастил волосы до пояса и пропагандировал здоровую еду и йогу. Джипси был тем самым протохиппи. В начале тридцатых он бросил школу, скитался по Калифорнии с кучкой других так называемых бродяг, питался тем, что давала природа, спал в пещерах и на деревьях, а мылся в водопадах. Меня ужасно соблазнял такой образ жизни. Посыл у Бутса был такой: каким бы примитивным ни казался ему мир, он хотел доказать людям, что будет жить вечно. Кстати, почти так и получилось, он умер всего лишь за одиннадцать дней до своего девяностолетия в 1994 году.

Дальше в моей жизни появился богемный композитор по имени Иден Абез, который написал песню под названием *Nature boy* (которую моя мама услышала на пластинке Нэта Кинга Коула). Он разбил лагерь под первой буквой «Л» голливудского знака, изучал восточный мистицизм и, как и Джипси Бутс, питался овощами, фруктами и орехами. Мама пела мне эту песню перед сном. Я никогда не забуду, что из-за этого чувствовал себя ее сыном природы.

Песня повествует о том, как однажды зачарованный и странствующий Сын природы — мудрый и скромный, с печальным,

сверкающим взглядом — натывается на певца. Они сидят у костра и беседуют о философах, подлецах, королях и капусте. Когда мальчик уже собирается уходить, он открывает секрет жизни: любить и быть любимым — это все, что нам нужно знать. На этом Сын природы исчезает в ночи так же таинственно, как и появился.

К сожалению, люди, которые владеют правами на эту песню, не разрешили мне опубликовать в этой книги настоящие слова (зато вы все равно можете их загуглить), но я обещаю, что спою ее в моем сольном альбоме, даже если свершится второе пришествие.

А потом был *Moondog*. Какой у него прекрасный образ — слепой музыкант, который одевается как викинг с рогатым шлемом и копьем в придачу. Он околачивался на углу Пятьдесят шестой и Шестой авеню. Я видел и нюхал его каждое утро по дороге в школу. Как ни странно, он жил в Бронксе, видимо, где-то в лесу за многоквартирными домами, в которых я вырос. Это совпадение или тайное послание божие: «Итак, Стивен, ты будешь Мундогом своего поколения?» Ну, или хотя бы лидером рок-н-рольной группы.

Я потом услышал, что Мундог сам написал «Сына природы», но откуда мне знать? Может, Иден Абез — какой-то шифр для Мундога...

При рождении мою маму называли Сьюзан Рэй Бланша. В шестнадцать лет она вступила в ЖКА (Женский корпус армии). Она встретила с моим папой, когда они оба были в Форт Диксе, Нью-Джерси, во время Второй мировой войны. Однажды у него было свидание с девушкой, которая была соседкой моей мамы. Эта соседка его продинамила, поэтому он познакомился с моей мамой, которая тогда играла на фортепиано. Папа подошел к ней и сказал: «Ты играешь неправильно». Это была любовь с первой ссоры! Они поженились и заделали маленькую Линду, мою сестру, и маленького меня два года спустя. Ха-ха! Вот моя мама, вот мой папа, и поэтому я такой дохуя дотошный — и такой помешанный. Во мне есть черты, которые мне не нравятся, и те, которые нравятся. Потому что ты отпрыск, ты неосознанно выбираешь все эти черты, если ты не заметил. Ты становишься своей мамой!

Так я и случился в 1948 году — редкая смесь парня-классика из Джульярда и деревенской девушки-пинап, которая, кстати, выглядела как помесь Джин Харлоу и Марлен Дитрих с ноткой Элли Мей Клампетт. И если бог в деталях — а мы знаем, что там ее и надо искать, — тогда я идеальное сочетание. Я «Н» в ДНК моих родителей. Так что теперь, когда на меня обижаются и называют мудаком, я знаю, что на самом деле они оскорбляют Форт Дикс. Моя дочь Челси с самого рождения считала, что бог — это женщина. И это так убеждает, когда ты слышишь о гендере бога от ребенка, что я даже никогда в этом не сомневался (неудивительно, что я так часто смотрю Опру).

Мама была свободной душой, она опередила всех хиппи. Она любила народные предания и сказки, но ненавидела «Звездный путь». Она часто говорила: «Зачем ты это смотришь? Все истории из Библии... их тут просто пересказывают. Открой Библию!», а я думал: «Ну да, как раз этим я и хочу заниматься, когда курю в компании Спока». Кстати, именно поэтому подростки сегодня говорят: «Да пофиг». Но знаете — и это я могу признать только в пьяном угаре — ОНА БЫЛА ПРАВА!!!! «Я, робот» Айзека Азимова, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли — они оттуда черпали вдохновение. Точно так же, как Элвис вдохновлялся Сестрой Розеттой Тарп (я настаиваю, чтобы вы послушали ее на ютубе сейчас же), Эрнестом Таббом, Бобом Уиллсом и Роем Орбисоном. А они, в свою очередь, породили битлов, те породили стоунов, а те — Элтона Джона, Марвина Гэя, Кэрл Кинг и... *Aerosmith*. Так что изучай историю рока, сынок. Это Библия блюза.

*

Мне было три года, когда мы переехали в Бронкс, в многоквартирный дом на Нетерленд-авеню, 5610, прямо за углом от того места, где жили герои комиксов, Арчи и Вероника (видимо, тогда я должен быть Джагхедом). Мы жили там, пока мне не исполнилось девять — на верхнем этаже, и вид оттуда открывался потрясающий. Жаркими летними ночами я вылезал из окна на

пожарную лестницу и притворялся Человеком-пауком. Гостиная была волшебным пространством. Она фактически была два с половиной на три и шесть ветров! В углу стоял телевизор, который казался крошечным по сравнению с папиным роялем *Steinway*. И вот он сидел за роялем, занимаясь по три часа в день, а я под этим роялем строил свой воображаемый мир.

Это был музыкальный лабиринт, где даже трехлетнего ребенка можно было утащить в страну психоакустики, где такие существа, как я, могли заблудиться, танцуя между нотами. Я жил под этим роялем и по сей день люблю теряться под космическим колпаком всего сущего. Залезать в него. Помимо изучения всех наночастиц, я хочу знать о том, что живет внутри триады... а не НАПИВАТЬСЯ до чертиков! Про психо я уже точно все понял... теперь надо разобраться в акустике (хотя я написал небольшую песенку под названием *Season of Wither* («Сезон увядания»)).

И там я вырос — под роялем, слушая и живя в нотах Шопена, Баха, Бетховена и Дебюсси. Оттуда я и взял мотив песни *Dream On*. Папа закончил Джульярд и в итоге играл в Карнеги-холл; когда я спросил его: «А как попасть в Карнеги-холл?», он ответил, как итальянский Граучо: «Занимаясь, сын мой, занимаясь». Рояль был его женой. Для него каждая клавиша на этом рояле обладала своим характером и эмоциональными вибрациями. Он играл не механически. Боже, да каждая нота была для него сродни первому поцелую, и он играл музыку так, словно она была написана только для него.

Я помню, как заползал под рояль, водил пальцами по деке и впитывал ощущения. Она была немного пыльной, и, когда я смотрел вверх, пыль осыпалась и попадала мне в глаза — пыль столетней давности... пыль старого рояля. Она падала мне на глаза, а я думал: «Ух ты! Пыль Бетховена... то, чем он дышал».

Это был полноценный рояль *Steinway*, а не какая-то игрушка в углу, — большой сияющий кит с черно-белыми зубами, пла-

---

Мама была свободной душой, она опередила всех хиппи. Она любила народные предания и сказки, но ненавидела «Звездный путь».

вающий на дне моего сознания и поющий из глубин странные мотивы, которые взялись непонятно откуда. «Двадцать тысяч лье под водой» даже рядом не стояли.

Потом я снова приехал на Нетерленд-авеню, 5610. Я постучал в дверь 6G, моей старой квартиры. Прошло уже много лет, и дверь мне открыл пьяный мужчина в трусах и майке.

— Папа? — спросил я. Он наклонил голову, как собака Ниппер.

— Привет, я... — хотел я поздороваться.

— А, я знаю, кто ты, — сказал он. — Из телека... Что ты тут делаешь?

— Я раньше здесь жил, — ответил я.

— Так поднимите мне арендную плату! — сказал он.

И вот я зашел и огляделся, и разве нам всегда не кажется, что места, в которых мы выросли, такие маленькие по сравнению с тем, какими они казались тридцать лет назад? Боже, кухня была крошечная, полтора на два! Спальня, в которой я рос с моей сестрой Линдой, родительская комната, выходящая во двор, — там даже имидж не сменить, куда уж штаны. Как папа вообще захреначил этот рояль в гостиную? Так странно было видеть ту же самую малюсенькую квартиру с еще более крошечным черно-белым телевизором, на котором я с открытым ртом смотрел передачи типа «Клуб Микки Мауса» и «Великолепный мир цвета», которые вышли 27 октября 1954 года. В три года я рос под роялем, а к шести годам увидел, как мой черно-белый телевизионный мир превращается в цветной — этого было достаточно, чтобы подготовить меня к жизни. И я как можно скорее хотел окунуться в нее с головой.

Мой папа играл те сонаты с таким чувством, что у меня все кости звенели. Когда ты слушаешь такую музыку от начала до конца день за днем, она отпечатывается в подсознании. Эти ноты звенят в твоих ушах и мозге. И поэтому всю оставшуюся жизнь твои эмоции легко могут неосознанно перетекать в музыку.

Большинство людей, мечтающих о золоте — ищущих чувство восторга, — сначала находят его в своей сексуальности; потом

наступает оргазм и — вжух, все кончено. А теперь представьте, что кто-то может искать свою судьбу. Он натывается на пещеру и из чистого любопытства решает в нее залезть — там все сияет и блестит, и первый раз в жизни я оказался в хрустальном дворце Супермена на Северном полюсе, от стен которого отскакивали крики при родах матери-земли.

Я не знал, что слышу, и тогда еще не понимал, откуда идет звук. Но это неважно. Я хотел быть частью этого. Но я понятия не имел, что и так уже был. Это чистая магия. Мой папа воспроизводил эти хрустальные крики, играя ноты сонат. Это было похоже на что-то среднее между Имой Сумак и песнями горбатых китов — и эти божественные звуки омывали меня.

Папа только недавно приходил ко мне — ему сейчас девяносто три! Я сел рядом с ним за рояль, и он сыграл «Лунный свет» Дебюсси. И это было намного сильнее, чем все, что я когда-либо написал или напишу. Это было так глубоко и пробудило во мне столько детских эмоций, на которые наслоились взрослые, что я расплакался, как младенец. Помню, когда я услышал ее в детстве, я практически перестал дышать. Иногда ты не можешь оценить, насколько тебе повезло, пока не оглядываешься назад, видишь свое бытие и понимаешь, как сильно оно повлияло на то, кем ты стал. Я начал оттуда, так что теперь я здесь. Пожалуй, мы все здесь... потому что мы не можем все быть там.

В детстве лето я проводил в Санапи, Нью-Гэмпшир. Пока мы ехали в Санапи, проезжали мимо населенного пункта под названием Большое Кольцо, и мама говорила: «Большое Кольцо? Большое яйцо!» Моя мама была такой умной. Например, она нашла способ, как заставить меня есть горох. «Делай что хочешь, только не ешь это!» И вот у меня уже полный рот гороха.

Спустя несколько лет, где-то в 1961-м, когда я кричал маме с другого конца дома, она говорила: «Йоу! А где ты? Куда ты делся?» А теперь я гадаю, куда делась она. Прекрасная деревенская девушка из Дарби Крик, Филадельфия, которая переехала в город, чтобы нас воспитать, разрешала мне ходить в школе с длинными волосами, спорила с директорами, возила нас на

первые свидания в клубы, любила и лелеяла меня — того, кем я был и/или хотел стать.

В пятидесятые дорога от Нью-Йорка до Нью-Гэмпшира занимала семь часов, потому что в те дни все ездили по проселочным дорогам (шоссе еще не построили). Но дорога до Санани была полна восхитительных придорожных достопримечательностей. Гигантский каменный *Тираннозавр Рекс* на обочине, деревянные медведи, закусочные и огромный бетонный пончик возле кафе.

Троу-Рико, наш летний курорт в Нью-Гэмпшире, был назван в честь Троу-Хилл, местной достопримечательности, и Талларико, фамилия моего отца, отлично вписывалась. Коттеджи стояли на 360 акрах леса, полей — и больше ничего. Это была мечта моего дедушки, Джованни Талларико, когда он приехал сюда из Италии с четырьмя своими братьями в 1921 году. Паскуале был самым младшим, виртуозным пианистом. Джованни и Франческо играли на мандолине. Микаэль играл на гитаре. Они были гастролирующей группой в 1920-е — отсюда моя ДНК «вечно в дороге». Я видел брошюры выступлений братьев Талларико — они играли в огромных отелях с гигантскими залами в таких городах, как Коннектикут и Детройт. Они ездили в эти отели по всей стране из Нью-Йорка на поездах и играли их музыку их людям. Звучит знакомо?

Отец моей мамы... это уже другая история. Он чудом сбежал из Украины. Его семья владела фермой, где разводили лошадей. Но пришли немцы и расстреляли всех на глазах у моего дедушки. «Все вышли из дома!» *Тр-р-р-р-р-р!* Они убили его маму, папу и сестру. Он спасся, потому что прыгнул в колодец, а потом уплыл на последнем пароходе в Америку.

В Троу-Рико я проводил каждое лето, пока мне не исполнилось девятнадцать. По воскресеньям моя семья устраивала пикники для гостей. Мой дядя Эрни жарил на гриле стейки и лобстеров, а мы готовили картофельный салат. Мы подавали еду всем гостям — это в итоге сколько? восемь семей, двадцать с чем-то человек? — во время этих пикников. После ужина, пока садилось солнце, мы забивали наш прицеп сеном, пристегивали его к джипу «Виллис» 1949 года и катали гостей по всей территории. Еще

у нас была общая столовая, где мы подавали гостям завтраки и ужины, а обеды они готовили сами, и все это стоило где-то тридцать долларов в неделю. Иногда шесть долларов за ночь. А когда гости разъезжались, вся моя семья доставала из кухни кастрюльки и сковородки и стучала ими — узрите происхождение первых тусовок!

Как только я подрос, меня заставили работать. Сначала я подстригал живую изгородь. Когда я огрызнулся в ответ: «Зачем мне это делать?», дядя сказал: «Просто наведи красоту и заткнись». Он называл меня «глупыш». Большую часть Второй мировой войны он провел на островах Фиджи, поэтому знал, как вести дела и избавляться от неприятностей. Я помогал ему рыть каналы, прокладывая водопровод почти на два километра в гору и голыми руками копал пруд. Я мыл по ночам кастрюли и посуду и косил газоны вместе с папой, когда вырос настолько, чтобы толкать косилку. Я чистил туалеты, заправлял кровати и собирал окурки, которые оставляли гости.

Мы загребали вилами сено и складывали его в самый дальний сарай. На нижнем этаже в сарае было пусто, не считая ведер с кленовым сиропом и деревянных и металлических инструментов для деревьев, оставленных какой-то семьей еще до того, как мы начали там жить. Спускаться туда было настоящим приключением: куча паутины, ведер, стеклянных банок, артефактов двадцатых и тридцатых годов — все эти ржавые и пыльные штучки, в которых любят ковыряться дети, а особенно я.

Наверху в сарае была дверь с отверстием, через которое можно было загружать и доставать сено. Я мог забраться туда и спрыгнуть со стропил потолка. Я сделал свое первое сальто назад в том сарае, потому что сено было таким мягким, что у меня было такое чувство, будто я падаю на... ну, сено. Я всегда следил, где лежат вилы. Потому что если бы я напоролся на одну из

Чтобы пойти на пляж с остальными гостями, мне нужно было закончить работу по дому. Через некоторое время у меня возник план. Он назывался «Вставай раньше».
